

Хамзевийская и хуруфитская ересь в Босни как реакция на политический кризис Оттоманской империи во второй половине XVI столетия

Слободан Илић (Турция)

Своего рода общее место в любом обзоре духовной жизни балканских стран в периоде османской доминации представляет собой Босния, как укрепленная точка исламской ортодоксии, где не особенно благосклонно смотрели на более крупные отклонения от официальной суннитской догмы. Оттоманской империи Босния дала несколько имен для самых первых рядов суннитской ханифитской теологической мысли, в первую очередь Хасана Кафи Прущака.

Если говорить о мистическом аспекте религиозной духовности, принято считать, что дервишские братства шиитской ориентации, какими являются рифаитское или бекташское, никогда в Боснии не успели добиться легитимитета и пережить. Это можно считать абсолютно точным если речь идет о рифаитах. Бекташи, все-таки, хотя, может быть и не были излюбленными от ортодоксных мусульманских богословов, были излюбленными от ортодоксных мусульманских богословов, были толерированы и их деятельность, по крайней мере, допускалась. Пополняя своим вариантом народного тасаввуфа (мистицизма) пустое пространство между верой и суперстицией, сотворяя своего рода меланж исламской гетеродоксии и неисламской традиции, они совершенно вкладывались в существующую религиозную систему, от чего она становилась более компактной и непроницаемой.

Судя по суровости, с которой оттоманская власть расправилась с его сторонниками, кажется, что для той же самой системы гораздо большую опасность представляло собой появление гетеродоксного религиозного движения, которое экспонировалось в Боснии в конце XVI-ого века через учение хамзевийского и хуруфитского братств.

Кажется, что история этих двух учений в большей мере, чем история любого другого учения, написана кровью собственных инициаторов. Хамзевийское братство, которое получает такое название после убийства шейха Хамзы Бали в 1573 году, на самом деле представляет собой байламийское ответвление меламиийского дервишского ряда. Многочисленные

мучения и изгнания сторонников байрамийского ряда не начинается только с тех пор как убит Хамза. В 1572 году, как еретика убили байрамийского шейха Измаиля Машуки (звали его Оглан Шейх), которого считали меламийским кутбом, и вместе с ним двенадцать его мюридов. Шейх Хусамуддин Анкареви, калифом которого был Хамза Бали, умер в 1557 году как узник в крепости Анкары.

Судьба хуруфитов была еще более злосчастной. Фазлуллах Асарабади, основоположник секты, в 1393 году был осужден как ложный пророк, безпощадно измучен и потом убит. Ахмад Лор, один из его калифов, подобно скончал в 1427 году. В Тебризе, во време владычества Каракоюнлу Джихатшаха (умер в 1467 году), убито около 500 хуруфитов, среди которых и дочь Фазлуллаха. В соответствии с общепринятым отношением к еретикам, их тела сожгли. Одним из калифов Фазлуллаха был и азербайджанский поэт Имадуддин Несими, которого, из-за его хуруфитских убеждений, живого ободрали в Халепе в 1417 году. По всей вероятности самая кровавая резня хуруфитов случилась в Едрине во время владычества Фатиха, когда их более 200 сожжено.

На основании официальных судебных документов, записанных свидетельств западных современников оттоманского периода, потом рукописей с текстами, которые писали сторонники и противники, мы можем говорить о присутствии, если не и о координированном содействии этих двух братств в Боснии под конец XVI столетия. О сторонниках хамзевийского учения в Боснии много писали, в то время как о хуруфитах не писали почти никак. Тексты этих последних обычно приписываются хамзевиям или бекташам.

Более-менее все, которые этим занимались согласны в том, что центром деятельности хамзевийского учения был Зворницкий санджак, более конкретно Горня (в знач. “верхняя”) Тузла. Незначительные расхождения существуют по вопросу определения точного года смерти Хамзы, как и точного места его погребения. Часть исследователей стала некритически следить за Башагичем, поставив таким образом знак равенства между шейхом Бали, у которого, кажется было, только прозвище Хамза, и Хамзой Орловичем, который, значительно раньше, завещал одну текию (дервишское здание) в ближней деревне Орловичи.

Очень важное современное свидетельство о хамзевийской и хуруфитской ереси представляет собой одно послание с конца XVI столетия, автор которого с крайней нетерпеливостью говорить о появившихся в Боснии “мюльхидах” и “зиндиках”, которые грозят отнять власть.¹ Тут речь идет прежде всего о хамзевиях, но на нескольких местах рядом с ними упоминаются и хуруфиты: “В это время появились хуруфиты, безверцы, хамзевии и зиндики, и расширились по всему миру... Не было бы улемов, хуруфиты и хамзевии, в

---

¹ См. I. Mehinačić. Üetiri neobjavljena izvora o hamzevijama iz sredine XVI vijeka. — Prilozi za orientalnu filologiju. Sarajevo, 1973, XVIII-XIX, pp. 221-224.

течение лишь несколько дней, превратили бы весь этот народ и вовлекли его в свои мезхебы... Из-за этого, исламские улемы издали фетву и приняли решение, что таких раскольников можно казнить... Неграмотные массы не знают хуруфитов и хамзевий... Таким образом, они постепенно будут принимать учение хуруфитов. А хуруфиты тогда воспользуются случаем и найдут соответствующий путь и способ, чтобы перед всеми объявить и свой раскольнический мезхеб и свои книги, а это Джавидани Кебир и Джавидани Сагир. И хамзевии, одновременно, а может быть и раньше, когда их будет сто тысяч, явно выступают и тогда над теми, которые откажутся вступить в этот ряд, они проведут всеобщую резню, а их имущество и жизненные продукты они ограбят и сожгут...”

Заметно, что в этом тексте упоминаются хамзевии и хуруфиты, как два отдельных, но, хотя бы в глазах автора, очень близких братств. Упоминается и самая главная хуруфитская обрядная книга, Фазлуллахова “Джавидан-наме”, а в продолжении этого текста его автор злорадно напоминает о едренской трагедии.

Хамзевий и хуруфитов не упоминают рядом одни только их противники. О их взаимосвязанности свидетельствует и тот факт, что хуруфитские и хамзевийские тексты мы встречаем в одних и тех же рукописях. Так например, в рукописи Süleymaniye Ktp. Halter Ef. 800 с начала XVII века, который содержит байрабийские рисалы и поэзию, находится в одна касида Вахдети, боснийского хуруфита. Также, в рукописи № 3049 Библиотеки Гази-Хусреф-бея, которую можно считать своего рода антологией хуруфитской поэзии, рядом со стихами хуруфитских поэтов Арши, Несими, Мухити, Мисали, Исхака и упомянутого Вахдети находится почти целый диван (сборник стихотворений) боснийского хамзевии Ламекани вместе с одним его письмом неизвестному мюриду. Учитывая тот факт, что упомянутые поэты не были очень известными, и что их стихи не встречаются часто, случайность почти исключается.

Кажется, что хуруфитские идеи отразились и на поэзию Ламекани. Одна его газель, которая, правда, в значительной степени отстает от остальной части его дивана, откровенно заступает хуруфинское учение об универсуме, который эманировал из слова, и о буквах как элементах, сотворяющих все существующее

Все, что есть, перешло путь из точки Единства в букву.

Из буквы попало в мир Множества, в слова и в речь.

Мир Множества состоит из речи и слов, буквы сотворяются 4 элемента.

Ты должен знать, что чистая душа родилась из точки, в которой все-одно.

Оставь Множество слов, обернись и направись к букве.

Оставь и букву, и душой отправись к этой точке...²

---

² İstanbul. Süleymaniye Ktp. Halet Ef. 800, ff. 139 a-b.

Есть еще одно, крепко соединяющее хуруфитов и хамзевий – ортодоксные улемы, как общий враг, которого надо разобличать. Ученые – невежы, а если у них даже есть какое-нибудь знание, то, все равно, они по этому знанию не ведут себя, “... ибо эти заблужденные и заблуждающие группы людей считали сословие ученых своим самым большим врагом и больше всего презирали и ненавидели его... Каждый человек ненавидит тех, которые осуждают его из-за злых роступков и развратных дел... Это было причиной факта, что указанные группы раскольников и аморальных людей ненавидели и презирали богословов...”³

А хуруфит Вахдети говорит:

Те, которые себя улемами называют, они глупцы.

Это группа, которая поднялась со сволочью этого времени.

Как человек может обсуждать вещи, о которых он не знает,

*Особенно если он с мелким умом и силой рассуждения.*⁴

Что это такое, на самом деле, что правоверную Боснию под конец XVI столетия сделало центром ереси? Появление хуруфитов и сторонников байрамийского учения во времени и на просторе, расстояние которых от времени и просторе их полной активности⁵ довольно большое, указывает на то, что часть причин для их воскресения в Боснии мы должны искать именно в исторических и общественных обстоятельствах. Итак, почему именно тогда и почему именно там?

Период, о котором здесь идет речь, для Османской империи является переломным по многим причинам. После периода прогресса, который обычно называется классическим или “золотым” периодом, достигающим своего максимума во время Сулеймана I (1520-1566), Османская империя половиной XVI века первый раз встречается с кризисом, после которого она никогда больше совсем не выздоровит. Основными внешними причинами этого кризиса были военные неудачи турок-осман, вызванные неспособностью традиционно вооруженной турецкой конницы успешно бороться с европейскими, огнестрельным оружием вооруженными солдатами. Кризис появился также и из-за застарелой флотилии, а наряду с этим и из-за деморализации, которая появилась особенно после битвы у Лепанга, случившейся в 1571 году.

Ведение войны на нескольких фронтах, в Европе против Австрии и Венгрии, на востоке против Ирана, на северо-востоке против России, экономически истощало государство. Продолжение войны без новых завоеваний и без военной добычи и трофеев довело до того, что главный счет войны платил крестьянин, который добавочно был нагружен произволом и крайней дерзкостью

³ См. I. Mehinagić. Op.cit., p.223.

⁴ İstanbul. Süleymaniye Ktp. Delim Ağa. Haşim Paşa 85/2, f. 30 a.

⁵ На основании данных, которые дает Абдулбаки Холпиннарли, хуруфитскими центрами были Александрия, Акчаксар, Стамбул и Аргирокастро в Албании. См. Hurufilik Metinleri Kataloğu. Ankara, 1973, p.31.

локальных феодалов, их склонностью к коррупции и даже к грубейшему ограблению. Все большей проблемой становится и гайдуцкое разбойничество.

Параллельно с этим, происходит распадение тимарской системы, на которой лежало экономическое и военное могущество государства в целом. Современные аналитики определяют внутренние причины кризиса через нарушение отношений между двумя основными общественными сословиями – сословием аскеров и сословием крестьян, единственных производителей. Все чаще встречается превращение феодальных владений в частную собственность, хотя, с другой стороны, простой народ все более часто забрасывает земледелие и старается найти доходное место в армии. С увеличением числа войнов без лена уменьшается производственная часть населения и одновременно возрастает число тех, которые нуждаются в сельско-хозяйственных продуктах. Пустоту, появившуюся из-за отсутствия военной добычи, государство старается пополнить более сильным обложением налогов крестьян, которые все труднее оплачивают это.

Естественно, что в Боснии как периферийной части Османской империи, которая находилась ближе всех других границе даруль-харба, сильнее, чем в других частях почувствовались последствия военных поражений; будучи самой отделенной от центральной власти частью, в ней очень больно отразились экономические аспекты кризиса – локальные управляющие склонны к непослуху, а крестьянское сословие страдает из-за грабежа и беззакония. Такое состояние в крестьянских душах, которые потеряли надежду, способствовало появлению исключительно плодотворной почвы для какого угодно учения, цель которого была бы получить хотя бы минимум идеалов социальной справедливости. И хамзевии и хуруфиты подчеркивали одинаковость по рождению, а мануальный труд – единственным справедливым источником заработка. Последователи обоих рядов подчеркивали необходимость овладения каким-либо ремеслом, и кажется, что в городах они нашли опору среди ремесленников, членов цехов. Они презирали, как профессиональное духовенство, так и суфи-нищих. Испытывая отвращение к богатым, они рекомендовали жизнь без больших потребностей. В нескольких источниках утверждается, что Хамза Бали ел только пищу, которая бросается деревенским собакам и кошкам, что указывает, сколько на мелаветийскую традицию, настаивающую на унижении собственного “я” и на возбуждении всеобщего ужасения, столько и на принятие бедности как своего рода идеала.

Ислам иногда, также в своем начале, не был религией бедных; можно скорее сказать, что его первые инициаторы принадлежали верхним слоям, нередко даже аристократии преисламской арабской общности. Однако, бедность и довольство маленьких они с самого начала подчеркивали как достоинство. Склонность к аскетизму исламская традиция приписывает особенно калифе Омару, а самому пророку приписываются слова “Al-faqr fahri”, т. е. “бедность моя гордость”. Как реакция на секуляризацию ислама и роскошную жизнь омаядской общественной элиты, к этому прибавляется

еще и аскетизм первых последователей суфизма. Кажется, что после раскола шиитская шизма в первую очередь была сокровищем для бедных и униженных, для всех, которые были лишены природного права, и которые в трагедии потомков Мухаммеда видели свою собственную трагедию. Будучи разочарованными пропастью идеалов одинаковости, а также и сознанием, что в мусульманском мире правят скорее не самые набожные, а самые сильные, они искали убежища и нагнали его в мистицизме и в культе бедности. Далеким плодом этого первого разочарования являются и боснийские еретики.

Если первые след хуруфитских учений мы можем искать в ильмуль-джефре, в кабале, в новоплатонической или даже в пифагорейской мистике цветов, потом хамзевийских – у учении материнской меламиийской конгрегации, мы там безуспешно будем искать ту привлекательную силу, благодаря которой после суровых уничтожений и сильного желания власти срубить коренным образом эту ересь, постоянно появлялись ее новые фанатичные последователи, которые были готовы к жертвам в любое время и во всех частях исламского мира. Кажется, что именно живая память о своих мучениках представляла собой тот костер, на котором подогревался фанатичный энтузиазм преемников Фазлуллаха и Хамзы. Несмотря на факт, что, в отличие от христианства, культ невинной жертвы и не находился в самых фундаментах исламской религии, с течением времени он неотделимо соединился с исламской гетеродоксией, сделав из кербельского мученика своего рода шиитской пандан к христианской Голготе. В этом смысле, больше чем иллюстративен один терджи-бенд Вахдети, в котором к страдальчеству шиитских имамов добавляется и мученичество Фазлеллаха.⁶

В последнее время некоторые боснийские ученые снова выдвигают гипотезу о автохтонности боснийского хамзевизма, причем они стараются найти его корни в традиции богомилов средневековой Боснии.⁷ Неоспорима атрактивность этой гипотезы, но осторожность от нас требует подождать и поискать каких-нибудь аргументов для ее обоснования. Поскольку мы могли познакомиться со всеми опубликованными хамзевийскими текстами, главным образом мистическими трактатами Абдуллаха Босневи, самого проминентного деятеля среди последователей Хамзы, следует сказать, что мы не находим абсолютно ничего, выделяющего их в значительной мере из корпуса байрабийских учений.

Следующее, по нашему мнению еще более важное познание, что в этих текстах нет ничего, что оправдывает такое суровое возмездие представителей власти и мусульманских богословов. Если для страдания хуруфитов причины можно было найти в самом учении (достаточно было тот факт, что Фазлуллах присваивает титул Мухаммеда “печать вровестника”), то тогда те, которые в

⁶ İstanbul Üniversitesi Ktp. T. 801.

⁷ См. S. H a d ž i a l i ć. Manihejska prošlost srednjevjekovne Bosne. — Islamska misao. Sarajevo, 1991, XII, p.13.

хамзевийских теологических трактатах старались найти причины их злочестной судьбы, были на ошибочном пути. Если абстрагируем обвинения, в связи с консумацией алкоголя и свинины, с гомосексуальностью и промискуитетом, как обычные обвинения, которыми пользовались улемы с целью компромитации еретиков, мы опять-таки не находим ничего, оправдывающего такую жестокость. Утверждения о подчеркивании супериорности Иисуса над Мухаммедом, в чем особенно инсистируют западные современники, являются по всей вероятности частичным результатом их собственных желаний, или же они, возможно, перепутали это учение с учением Мулла Кабиза, который был убит свыше 50 лет до этого.

Кажется, что Джемал Чехайич был первым, который пришел к правильному выводу, что “мотивы для ликвидации движения были в большой мере политической и в гораздо меньшей мере доктринарной природы, хотя в судебных процессах и пытках в средневековом стиле подчеркивалось это религиозное, т. е. ересь”.⁸

Устраняя свои параллельные улемы, даже параллельный государственный аппарат, именуя своих султана, визиря, судью, писаря и т. п., не желая войти в существующую государственную и религиозную системы, в которых институционализированный софизм имел свое место и роль, хамзевии бесповоротно решили свою судьбу.

---

⁸ D ž. Ć e n a j i ć. Derviški redovi u jugoslovenskim zemljama. Sarajevo, 1986, p. 205.